Отец Андрей Колесников

И В БАССЕЙНЕ МЫ С ВАНЕЙ НЫРЯЕМ ПОД ВОДУ НА СПОР: КТО ДОЛЬШЕ ПРОДЕРЖИТСЯ. РАНЬШЕ Я ЕМУ ПОДДАВАЛСЯ. СКОРО ОН НАЧНЕТ ПОДДАВАТЬСЯ МНЕ

В ВЫХОДНЫЕ мы по понятным причинам стараемся уехать за город, и это превращается в большое, даже слишком, и опасное своими (вернее, прежде всего моими) впечатлениями путешествие.
В дороге, которая, к счастью, занимает больше часа — на месте уже толком и не поговоришь: много дел, к тому же на какое-то время по приезде они уходят в себя, вернее в свои комнаты с бесконечным количеством игрушек, которые им уже и не по возрасту давно. В Москве в их распоряжении (и как распоряжаются!) и «Плейстейшн-3», и «Нинтендо Вий», а здесь — мячик, робот со сломанным носом, Молния Маккуин без руля и без, конечно, ветрил; кукла Барби, одетая сразу в два платья, и еще 23 куклы Барби... два шкафа с их прошлым, которое только что было, казалось, настоящим, а то и будущим... а еще в гараже... туда так просится последнее время Ваня, а мы все не успеваем, потому что на отдыхе времени катастрофически не хватает...
Так вот, в дороге они мне все рассказывают. То есть я надеюсь, что все. Маша рассказывает про свою проблему в школе, и я только теперь понимаю, как ей плохо было в эти дни. Она мне говорит даже, что больше не хочет туда ходить, и у нас еще много времени, и она рассказывает почему, а Ваня, молча и так же внимательно, затаив, как и я, дыхание, слушающий Машу, вдруг говорит:
— Скорее всего, ее подставили.
— Что? — ошарашенно переспрашиваю я.— Подставили?! Машу?
— Ну да,— немного смутившись, кивает он.— По крайней мере, рассматривается как вариант.
— Для восьмилетнего мальчика, Ваня, ты слишком глубоко копаешь,— признаю я.
Маша рассказывает, что у одного ее знакомого мальчика из дома в Москве, примерно ее ровесника, в разгаре роман.
— С кем? — интересуюсь я скорее из приличия (а не наоборот).
— Ну...— смешивается Маша...— С одной девушкой. Она его няня.
— А сколько же ей лет? — уточняю я уже просто потому, что очень интересно.
— Пятьдесят, что ли,— пожимает плечами Маша.
— И что? — спрашиваю я.
— Ну что?..— с деланной задумчивостью говорит Маша.— Он сказал, что уже поцеловались...
— Да! — смеется Ваня.— Девушка-пятидесятилетка!
Потом мы, как обычно, играем в слова и, как обычно, не успеваем закончить: приехали.
Мне хочется залить их нежностью в эти два дня, потому что кто, если не я?.. Но я бы не сказал, что они в этом так уж нуждаются: несмотря на постоянные житейские проблемы, психика их стабильна. И это, напротив, Ваня вдруг говорит мне:
— Папа, ты устал, наверное. Давай я тебе массаж сделаю.
И делает, и я как профессионал, которому массаж делали с двух недель до 16 лет включительно пять раз в неделю, понимаю: а неплохой массаж.
— Где ты научился-то хоть? — осторожно спрашиваю я.
Конечно, осторожно, потому что мне хватило одного раза как-то с Машей, уже давно, когда я вдруг в школе увидел ее за фортепьяно и потом в полном недоумении спросил, где это она научилась играть.
— Ой, папа,— вздохнула она,— да я уже год занимаюсь по три раза в неделю.
— А дома почему не играешь? — промолвил я.— Я то есть не слышал...
На этот раз она не удостоила меня даже взглядом.
— Где научился? — переспрашивает Ваня.— Так... Само пришло.
И я ему верю.
Потом, уже совсем вечером, начинается то, чем я горжусь: баня. Я горжусь, потому что раньше, еще пару лет назад, они не понимали меня. Они не понимали, как можно париться в этой обжигающей духоте, когда можно пересидеть в маленьком бассейнчике у выхода из парной, и оттуда же посмотреть мультик по телеку.
А теперь они подгоняют меня, спрашивают без конца, включил я баню или нет, и у меня нет шансов забыть про это. И парятся они на верхней полке, а не на полу, как раньше.
И это я их приучил, я. Одно из немногих моих настоящих достижений — наравне с уже существующей в них, как и во мне, страстью к грибам (но пришлось поводить их, конечно, по лесу несколько лет, до общего изнеможения; был, конечно, риск, что возненавидят; но полюбили).
Еще бы с футболом как-то решить проблему. Не смотрят пока, хоть режь. Хотя оба играют — и в школе, и со мной.
Часто они там, в подвале, где баня, и засыпают. Носить, вернее, таскать их наверх с каждой неделей все тяжелее (и не только потому, что я постепенно слабею), и назвать эту тяжесть приятной у меня уже язык не поворачивается.
Следующий день богат своим выбором. Можно пойти кататься на санках, можно не пойти. Нет, ну конечно, не пойти нельзя. Там, на карьере, где летом можно купаться, а можно не купаться (вернее, нельзя), зимой — несколько наезженных трасс, которые освоены даже лучше, чем трасса сноуборда в «Нинтендо Вий». («Моя досочка...» — приговаривает Ваня, доставая в Москве из-под дивана и через мгновение отчаянно вибрирующую под его ногами пластиковую доску.)
Там, на карьере, есть только одна трасса, с трамплином, которой они (а особенно я) до сих пор побаиваются. Но это хорошо: есть зачем стремиться на карьер. Когда-нибудь... следующей зимой...
Что дальше? Баня, конечно. После санок-то.
И в бассейне мы с Ваней ныряем под воду на спор: кто дольше продержится. Раньше я ему поддавался. Скоро он начнет поддаваться мне. А пока тот короткий восхитительный период, когда мы примерно на одном уровне физического развития, и все по-честному, шансы пятьдесят на пятьдесят.
И только здесь он рассказывает мне, что с ним случилось в четверг в школе.
— Папа,— говорит он,— я чуть не погиб.
— Как это? — переспрашиваю я.
И он рассказывает о том, от чего у меня холодеет сердце. Как один мальчик, на три года старше, вдруг прыгнул на него с кромки бассейна и начал топить.
— Папа,— говорит Ваня,— если б мы с тобой не ныряли, я бы точно погиб.
— Ты знаешь его? Раньше видел?
— Конечно.
— А тренер где был? Она это видела?!
— Думаю, что нет,— отвечает Ваня.
— А почему ты ей ничего не сказал?!
— А что бы это изменило? — задумчиво смотрит он на меня.
— Да как?! — бешусь я.— Ты и правда мог утонуть! Ну, сколько ты под водой держался?!
— Трудно сказать...— и он опускается под воду.
Его нет больше минуты. Он выныривает и говорит:
— Примерно столько. Даже больше. Потому что я уже начал задыхаться и воду глотать.
Я начинаю с нетерпением ждать встречи с тренером, да и с этим мальчиком тоже. Просто посмотреть ему в глаза, что ли.
Вот и все. Домой пора.